

я на небо, как подниму взор на всё многолюдство народа,— говорил Гус,— если по вине моей слабости поколеблются их убеждения? Могу ли я ввести в соблазн столько душ, которым я проповедовал?» Так в последние минуты своей жизни великий чешский реформатор думал о народе, взгляды и чаяния которого он выражал, которому он посвятил свои произведения и проповеди и которому отдал свою жизнь.

6 июля 1415 года Гус был выведен за город и сожжён живым. Он умер мужественно, сохраняя непоколебимую стойкость духа и верность своим убеждениям.

Ещё в мае 1415 года католическая реакция заполучила в свои руки и другого выдающегося деятеля чешской реформации. Верный сподвижник Гуса Иероним, рассчитывая, что на соборе предстоит обычное разбирательство, и надеясь на силу своих доводов и своего красноречия, также прибыл в Констанц, чтобы поддержать Гуса. Убедившись вскоре, что здесь предстоит не суд, а кровавая расправа, Иероним решил вернуться в Чехию, но уже у самых границ он был схвачен, привезён в Констанц, подвергнут допросу и также брошен в тюрьму. Здесь он находился в ещё более тяжёлых условиях, чем Гус. Иеронима сковали по рукам и ногам таким образом, что он не мог выпрямиться. Цепи были тяжелы, и от постоянного раздражения под оковами образовались гноящиеся раны. Желая обмануть своих судей и выиграть время, Иероним сначала согласился было отречься от своих взглядов, но потом устыдился минутной слабости и стал горячо отстаивать свои убеждения. Иероним проявил в своих последних выступлениях исключительную эрудицию и силу мысли. Слушавший его замечательные речи современник свидетельствует, что они вызывали невольное восхищение даже у его злейших врагов. «Можно было подумать,— пишет он,— что этот муж весь год своего заключения провёл в полном спокойствии и только то и делал, что сидел над книгами». После того как попытка подкупить Иеронима обещаниями оказалась такой же неудачной, как и попытка запугать его ужасами казни, он был передан в руки светской власти и сожжён 30 мая 1416 года.

Поведение Гуса и Иеронима во время суда и казни показало их неизмеримое моральное превосходство над собором и произвело неизгладимое впечатление на всех присутствующих. Даже будущий папа Пий II, в ту пору